

ПУТЬ ВОЛХВА- РАДЕТЕЛЯ

И. ГЛЕМБА
А. ПРОХОРЕНКО

ВО ВРЕМЕНА ДИРА И ДСКОЛЬДА

Путь волхва-радетеля

Андрей Прохоренко

Во времена Дира и Аскольда

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Во времена Дира и Аскольда / А. Прохоренко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Путь волхва-
радателя)

ISBN 978-0-88-715476-8

Приключенческий роман «Во времена Дира и Аскольда» является вторым произведением из серии «Путь волхва-радателя», написанным на основе записок волхва-радателя Велеса. Завесу тайны на действительное положения дел и происходящее на Руси приоткрывает повествование Велеса, охватывающее период с 850 по 881 годы. Основное внимание уделяется правлению князей Дира и Аскольда, их взаимоотношениям между собой, с русичами, волхвами, хазарами и Византией, а также освещается княжеская политика, мировоззрение русичей.

ISBN 978-0-88-715476-8

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Глемба Иван Прохоренко ВО ВРЕМЕНА ДИРА И АСКОЛЬДА

Предисловие

История Украины-Руси, когда на нее смотришь глазами людей, проживавших в те относительно далекие, как нам кажется, времена, совершенно не похожа на то, что многие из нас учили или учат в школе. Тем более что в цензурированных летописях об этих годах, а речь в повести Велеса идет о княжении Дира, который воцарился на киевском престоле осенью 851 года, мало что сказано. Не прояснены и фигура князя Аскольда, о походах которого нам кое-что известно из летописей, его едва ли не новаторская и реформаторская деятельность. Неизвестно, кто он, откуда пришел, чем занимался и, главное, каков результат его трудов.

Волхв-радатель, а им Велес станет позже, пройдя путь от пахаря и носильщика, ученика волхва к главе волховского круга Руси, приоткрывает завесу прошлого, позволяя нам познаться с некоторыми тайнами Руси, с тем, кем на самом деле были волхвы-радатели, чем они занимались, какой исток представляли, по каким законам жили. Благодаря заботе Велеса мы можем узнать, что в действительности творилось на нашей Родине, как жили в то далекое время, что происходило перед первым неудавшимся крещением Руси. Какие цели и задачи на самом деле преследовались, и конечно же, кем в реальности были Дир и Аскольд, правившие Русью.

Велес с высоты прожитых лет, охватывая взором сознания пройденный за 112 лет жизненный путь, пусть иной раз и скупыми мазками, рисует картину быта и жизни тогдашней Руси, основополагающих событий за период от 852 по 881 год, до времени, когда он вынуждено покидает родные места. Русь, как единое пространство для жизни десятков племен, предстает перед нами во всей своей силе и красе. В нем, невзирая на меняющиеся порядки, общины живут еще по законам Бога-Руса, князей, установивших столетия назад законы, неизменно выполняющиеся пока еще их потомками.

Нет в повествовании Велеса разделения между многочисленными племенами, населявшими Русь, поскольку Русь, как единый живой организм, пронизанный силой миллионов ее жителей, от Ладоги до Тавриды, от Карпат до Дона, связана невидимыми нитями общинного мировоззрения, восходящего к истокам. Здесь чтут деда-прадеда, знают родовой, хранят пока еще чистоту истоков, несмотря на тьму, навеиваемую миссионерами из Византии, адептами тайных орденов.

Русь просвещена. Здесь даже многие земледельцы умеют читать и писать на бересте. Тут нет невежества, нет пьянства, в общинах царит порядок, который четко соблюдается выборными старейшинами, являющимися, по сути, волхвами. Наши предки, в отличие от нас, знают в то время еще свои истоки, знают князей Бога и Руса. Помнят, как был предательски убит Бож готами под руководством Витимира, как Рус на сходе князей, происходившем в конце пятого века, возглавил коалицию антов перед походом объединённых сил антов и гуннов в Европу.

Живой рассказ очевидца и участника минувших событий, как нам видится, лучшее, что может быть для того, чтобы в сознании каждого человека, интересующегося историей своей Родины, начала вырисовываться целостная картина, а не отдельные пазлы, щедро приправленные выдумкой людей, желающих представить Русь тех времен забитой и отсталой страной.

Предоставим слово Велесу, как первоисточнику, который с высоты прожитых лет рассказывает потомкам историю своей жизни богатую событиями. Если убрать немного истории,

описание быта и нравов, то перед нами на самом деле приключенческий роман, изобилующий событиями и неожиданными поворотами.

Итак, Киев и киевские холмы, 852 год.

Глава 1

Последнее вече

По окончанию жизни взор твой особенно светел и ясен. Тело, конечно, уже не то, что в молодости. Ты уже не можешь, как ранее, без усталости ходить и бегать, носить тяжести. Раны, которые ты получил, то и дело с годами все больше напоминают о себе. Груз прожитых лет, что ни говори, сказывается, пусть даже ты принимаешь меры для того, чтобы не так подвергаться тяжелым состояниям, связанным с ранениями, с ухудшением здоровья и с последствиями магической работы. Правда, есть и преимущества. Ведь за прожитую жизнь ты делал все, что мог и умел, чтобы побудить ум, разум и сознание к особой работе, когда твоим внутренним стержнем является сила.

Без силы, потомки, невозможно что-либо сделать в нашем мире. С другой стороны, надо постоянно смотреть за тем, чтобы она не перешла в слабость, не явила своей противоположности и не ухудшила твое и без того непростое положение. Тут без головы и четкого знания что и как делать, не обойтись. Осознанием и пониманием ряда простых, на первый взгляд, но сложных в своей простоте истин я, Велес, в детстве Веля, занимался всю свою жизнь. Я ко многому дошел, но, как это обычно бывает к концу жизни, ты начинаешь предельно четко и ясно отдавать себе отчет за несколько лет до ухода, что это – только начало, что ты многое дал бы, чтобы с имеющимся знанием и пониманием продолжить жизнь.

Следующее воплощение, как я вижу, вглядываясь в будущее, у твоего духа уже не будет таким, как это. Вновь, если повезет, то надо будет начинать учебу заново, а подходящих учителей на Земле становится все меньше. Наша раса, как и ее предшественники атланты, все больше подвергается разлагающим воздействиям. Русский корень еще крепок, но и он подвергается разложению. Рода все больше теряют силу, а их представители все меньше принадлежат себе. Империя (Римская и Византийская) все больше входит в наш ум, разум и сознание, в нашу кровь темными энергиями, делая это незаметно и неявно. Результат проявится через столетия в виде вырождения, слабости, уныния и бессилия что-либо изменить в своей судьбе, слабого здоровья, уязвимости и ложных взглядов на мир.

Мировоззрение – вот что на самом деле является определяющим для каждого из нас. Вопросы: кто ты, что делаешь на Земле, зачем живешь и принадлежишь ли себе или служишь силам, для которых ты – только лишь питание. Почему питание? Поскольку ты богат тем, что уже живешь. Жизнь – вот самое большое богатство и питание для паразитов. Если жизнь твоя хотя бы немного принадлежит тебе, а ее энергиями не питаются воплощения тьмы, мрака и черно-плазменных энергий, тогда, можно сказать, что ты не зря проживаешь жизнь, хотя и здесь не все так ясно. Надо уметь постоять за себя. Обучаться же этому приходится всю жизнь с детства. Так учили меня, так, когда я ощутил, что готов, обучал, не делая этого, и я.

На самом деле у меня нет учеников, хотя сотни волхвов в момент, когда я пишу записки, считают меня своим учителем. Я многое понял за жизнь, в том числе и то, что надо идти дальше, необходимо выйти за рамки волхва и волховского движения, которое в данный момент очень и очень многочисленно, несмотря на сумерки, медленно опускающиеся на Русь.

Волхвов на необозримых просторах Руси ещё тысячи, но всего лишь десятки из них пока еще являются, в преддверии смутных времен, светочами знания, на которых можно равняться. Волхвы-радители пока еще идут путем знания и силы. Мы еще знаем и видим истоки, прошлое и в какой-то мере ухудшающееся будущее, но, что главное, ни я, ни мои ученики не можем пока остановить непрекращающийся вал темной силы и саван энергий, ее сопровождающих, медленно, но неуклонно наваливающийся на Русь.

Тем не менее, я с помощниками и соратниками смог уже многое сделать, отодвинув сроки крещения Руси до «лучших» времен, несмотря на противодействия, преследования и постоянно ведущуюся против меня и соратников работу. Мне, а пишу я свою летопись на Выдубицких холмах, пока не мешают. Я смотрю с высоты холмов, как неустанно катит в Черное море свои воды Славута, на ширь просторов и на красоту здешних мест.

Нас, волхвов, один раз уже сгоняли с насиженных мест, но время Аскольда прошло, после чего мы вновь вернулись на привычные места. В этом в какой-то мере счастье, но оно переменчиво. В пространстве и времени уже возникают иные реалии, которые не столь радужны для Руси. Я не доживу до времени Владимира, когда будет коренным образом изменён прежний порядок, а Русь будет растоптана и подвергнута византизации.

С другой стороны, я видел, на что способны ревнивые пособники новой веры, шпионы, рядящиеся под маски миссионеров, невежественные и желающие, чтобы их содержали за свой счет русичи. Именно русами или русичами я буду в больше степени называть все население здешних земель, не деля на полян, северян, кривичей, древлян, вятичей и представителей других племен.

Русич прежде всего воин. Если он придерживается родовых законов, а в мои времена, кроме некоторых жителей Киева, все соблюдали родовой закон, то чаще всего в быту и между собой даже представители разных племен называли друг друга родичами. Родич от слова Род, а слово Род происходит от называния планеты Родиной. Именно исток Родинойской цивилизации, как я уже говорил в записках, является для русичей первостепенным и ведущим. Наша преемственность исходит от мастеров прошлого, лучших представителей Родинойской цивилизации. Их еще называли элосулами.

Когда я в первый раз посетил Чертог, некое образование-дом в верхних, тонких слоях Земли, я впервые встретился с ведущими этого дома, с Дарзом и Ладицей. Именно эти ведущие во многом открыли для меня мир. Из хранилищ и банков данных Родинойской цивилизации, расположенных как в пределах Земли, так и далеко за ее пределами, я узнал историю не только нашей планеты, но и ведущих содружеств, не так давно, чуть меньше двух миллиардов лет, еще существовавших в космосе.

Не слишком радует только одно: в космосе, как и у нас на Земле, ведущими являются нисходящие процессы, что не оставляет шанса даже для представителей цивилизаций, в десятки раз превосходящих по уровню развития и реализации идей людей. Реальность упряма. Даже наши предки не смогли, как ни старались, остановить нисходящие процессы. Родиной был покорен пришельцами, а потом распался. Планета прекратила свое существование. Воплощения родинойских мастеров начались на других планетах. Некоторые из волхвов – далекие потомки элосулов, бывших ведущими личностями в свое время на Родине и других планетах содружества, в которое входило больше десятка планет.

Кратко, как я вижу, сообщил, что считал необходимым, перед тем, как продолжить рассказ о своей юности и молодости. Однозначно, когда тебе двадцать два года, то ты, как я вижу с высоты лет, еще юн, как бы не хотел казаться старше. Юность такое время, когда каждый или почти каждый старается казаться взрослее. Взрослость в моей жизни, так я считаю, начала наступать только лишь после тридцати пяти лет. До этого времени я был молодым мужчиной, исполненным силы, который радовался каждому дню прожитой жизни, вдыхая ее особое очарование, пьющий ее свежий и дурманящий напиток.

Да, многое хочется сказать потомкам. Начну я с рассказа о Дири и Аскольде. Эти два князя готовили с некоторого времени, как могли и умели, почву для того, чтобы Византия в лице миссионеров, ромеев всех мастей, адептов тайных обществ, оперлась на киевские холмы своими стопами.

Воцарение Диры на киевском престоле совпало с эпохальными событиями на территории всей Руси. Близилось время перемен. Прежние обычаи, дедовский уклад, все меньше удовле-

творял знать, племенных вождей и просто удачливых представителей вооружённых отрядов. Именно они выступали во многом заправилами и творили историю.

Надо отметить, что Дир был далеко не глуп, видел далеко, но уже в двадцатипятилетнем возрасте попал под влияние Византии, которое с годами только лишь усиливалось. Не на кого было опереться Диру среди большей части киевлян, полян, древлян, северян и других племен. Вече и совет волхвов его не приняли. Все знали, что Дир – убийца Бореня. А убийце не место на престоле, каким бы умным и представительным он не был.

Дир долгие годы шел к заветной цели. В Киеве он заручился поддержкой купцов, ориентировавшихся на Византию. Ее главой был некто Ирухим – потомственный купец – не то христианин, не то почитатель ислама. Впрочем, это для большей части купцов было естественным делом: где находишься, тому богу и служишь. Неуступчивых русских купцов в Царьграде ждали в основном неприятности, поскольку за шесть лет, которые прошли после смерти Бореня, никто кроме них самих отстаиванием их интересов не занимался, а василевс, видя, что Русь за своих не вступится, в очередной раз ввел пошлины на товары.

Подобные действия были вызовом. Это все понимали, как и то, что поход на Византию необходим хотя бы для доказательства своей силы, чтобы не быть людьми, на ком возят воз только лишь потому, что они это позволяют делать. Да вот беда – войско-то некому возглавить. Точнее, кандидатов вполне хватало, но князя среди них не было. А поход на Византию – княжеское дело. Всем было ясно, что от лица русичей обязан говорить полномочный князь. Без этого договоренности, которые, возможно, заключат, не будут соблюдаться. Поэтому после шестилетнего периода, когда в Киеве не было князя, его снова выбрали, но не так, как до этого.

В данном случае вече, собравшееся на Подоле, избрало весной 851 года князем тысяцкого и воеводу Мишарта. Он вел родословную еще от Кия. Предки Мишарты в отличие от Дира жили на киевской земле испокон века. Даже часть дружины поддержала его, но не варяги. Те в своем большинстве выступали за Дира. Он был им люб тем, что разрешал грабить и захватывать пленных в походах и отступал от законов русичей. Дир к тому же, если у него было чем, платил щедро, что было для наемников неоспоримым преимуществом. А с некоторого времени Дир в средствах не нуждался. Ростовщики, а ими выступали и хазары, и евреи, реже ромеи, осевшие в Киеве, щедро снабжали его всем необходимым в счет будущих деяний.

Вложение денег в будущее, в чем я неоднократно убеждался, самое выгодное и прибыльное дело. Дир сполна оправдал вложения в себя и в свое положение. Правда, и он не ожидал поворота судьбы, а также милости, которую ему уготовил Аскольд. Впрочем, выхода иного с некоторого времени у него не было.

Дир, как только захватил престол, сразу же стал на нем заложником. При этом, как бы кому не хотелось, а самостоятельным правителем он не был. Деньги-то надо отрабатывать... Никто просто так за глаза ничего не жертвует. Это только наивным жителям говорят о бескорыстии.

Ростовщики своего не упускают, даже если внешне им приходится уступать. Все равно они в выигрыше, если проводятся законы, позволяющие им зарабатывать за счет долговой кабалы. Дир вынужден был провести этот закон. В соответствии с ним долг, если умирал кормилец, отрабатывали его дети и внуки. И неважно было, что долг давно был погашен. Набегала пеня и проценты, которые надо было отдавать. Поэтому родители часто отдавали детей за долги в наймы. Так появилось на Руси сословие челяди.

Сами русичи прислужниками никогда не были и считали для себя это зазорным и недопустимым делом. Понадобятся даже не столетия, как я вижу, всматриваясь в будущее, чтобы, в конечном счете, превратить свободных людей внутри себя в рабов. И чем больше будут кричать о свободе, тем хуже будут обстоять дела в реальности у жителей Руси. Не так уже и важно, как будет называться в будущем страна, где свыше тысячу лет назад родился и жил я. У меня

все равно, несмотря на подготовку и понимание, болит внутри, когда я смотрю в будущее и вижу то, что станется с людьми.

Да, пусть будущее пока что выглядит в виде сложной пространственно-временной программной оболочки, но суть и содержание его от этого не изменяется. Возможны только лишь незначительные подвижки в лучшую сторону, но не кардинальная смена событий. Я, как ни старался, так и не смог улучшить ситуацию, хотя кое-что мне все-таки удалось сделать к концу жизни. Во всяком случае, продлить почти на сто лет период, при котором на Руси еще не будет серьезных междоусобиц и колонизации со стороны Византии, а также ее союзников.

А по замыслу византийских советников, представителей тайных орденов и магов всех мастей уже Дир обязан был круто поменять ситуацию. На него делалась очень серьезная ставка. Не зря в Киев летом 850 года прибыл Уфарион – полномочный представитель тайного совета, который, по сути, управлял Византией. Василевсы были только лишь ставленниками совета и часто не обладали всей полнотой власти. Они лишь выполняли те или иные решения и проводили действия, которые принимались на совете. Его члены: представители тайных орденов и знати, советники всех видов и рангов, церковные лица и лица, о которых вообще нет упоминаний, хотя на самом деле они проводили те или иные основные решения, заправляли всем. И, если бы не вражда между ними и постоянные интриги, то Византия, бывшая колосом на глиняных ногах, давно бы уже распростерла свой занавес над миром, тем более, что методы и средства для установления власти и влияния василевсов и элиты были испытаны на протяжении столетий.

Черный лев был одним из символов Византии, а также птица Унарх и мифический зверь с крыльями. Византия находилась под драконом и четырехглавым объемным орлом. Его проекция – двуглавый орел. Таковы были ее покровители, во многом происходившие даже не от Египта, а от Атласа, в пору, когда на земле существовала Атлантида. Также от Византии восходит традиция песчих голов, обозначающих борьбу с неугодными лицами. Всего не перечислить. При этом деятельность представителей Византии особо отличались постоянным «умыванием рук» и деланием вида, что они здесь не при чем.

Самую грязную работу выполняли ставленники Византии на местах, которые считались, чуть ли не русами. О наемных варягах я уже рассказывал, но было бы слишком просто, чтобы ромеи ограничились только лишь ими одними. Служение Одиному использовалось ромеями в своих целях. Ведь очень многие варяжские дружины состояли на службе у василевса или разбойничали по миру, оглядываясь на него и с его молчаливого согласия. И яркий пример этому – Аскольд.

Сей варяжский предводитель, которому исполнилось в 852 году только лишь двадцать два года, не был киевским князем, как его будут называть, до 862 года. Эти десять лет в Киеве княжил почти что безраздельно Дир. Ослабление его власти наметилось только лишь в 860 году после удачного похода Аскольда на Царьград, когда Аскольд выбрал время так, что большая часть войска ромеев воевала на других рубежах. Поэтому-то василевс вынужден был заключить с ним невыгодный для себя мир, который через несколько лет был нарушен.

Аскольд предельно четко чувствовал ситуацию, видел, что недовольство ромеями на Руси только лишь крепнет во всех слоях общества. Не воспользоваться такой ситуацией, чтобы не показать всем: ромеям, Диру и местной элите свою силу, было бы совсем неразумно. Этот его поход стал основным для того, чтобы Аскольд впоследствии стал князем.

Итак, весной 851 года Дир, наконец, стал полномочным главой варяжской дружины. Именно не помощником воеводы или тысяцкого, а предводителем. А этот пост, по сути, приравнивался к титулу князя, тем более что князя уже шесть лет, как не было после смерти Бореня. Ситуация продолжала ухудшаться. Дир тогда предпринял активные действия. Он договорился о поддержке с предводителями варяжских дружин на Руси, сговорился с частью купечества, с хазарами, с ромеями через представителей высшего совета Византии, запугал часть

конкурентов, а некоторых по его поручению убили. В общем, действовал Дир вполне по-византийски. Кровь и интриги его не смущали. Надо было припугнуть или расправиться – он делал это, оставляя моральные принципы для слабых людей. Все решала сила. Это утверждение Дир усвоил четко и не колебался там, где надо было проявить силу. У этого человека слова с делом редко расходились.

Тем не менее, учитывая сложную ситуацию, Дир не действовал напролом. Это было чревато последствиями. Он прекрасно помнил, как закончил Бравлин и понимал, допусти он ошибку, вполне может стать так, что его голову преподнесут сегодняшние друзья его врагам. А врагов у Дира хватало. Очень многие родовитые киевляне, в том числе воеводы и тысяцкий, а также часть купечества была недовольна им. О хлебопашцах и ремесленниках я не говорю. В их среде поддержки князю не было. Поэтому Диру оставалось большей мерой надеяться на варягов и задабривать ту часть населения, которая могла его поддержать.

Со жрецами Перуна Дир тоже поначалу не сошелся так, как те на то рассчитывали. Дир все больше тяготел к христианам. Советниками у него были, в том числе и ромеи, только не откровенные, а местные выходцы, поддерживающие тесные связи с византийским двором и тяготеющие к нему. Таких людей в Киеве становилось все больше среди знатного сословия.

Сам Киев, как я уже говорил, в описываемые времена был многонациональным городом. На Подоле можно было услышать речь как ромеев и хазар, так варягов и поляков. Исконно полянскими и русскими были пригороды Киева, а также Подол с его ремесленными кварталами. Дир за годы четко изучил настроения жителей и, воспользовавшись случаем, четко разыграл партию для того, чтобы стать князем. При этом роль общих врагов киевлян сыграли, опять-таки, варяги, предводители которых якобы с молчаливого согласия Мишарты начали грабить народ, прикрываясь сбором положенной дани.

Дир выступил перед киевлянами таким защитником справедливости. Варяжское выступление части дружины было подавлено, а зачинщики им схвачены и посажены в погреб. Сцена была разыграна мастерски. Многие Диру поверили. К тому же Дир знал, что делать. Он на вече обещал понизить пошлыны и прогнать ростовщиков-хазар. Также предводитель дружины выступил за то, чтобы собирать большой поход на Византию в следующем году.

Опять-таки, общее недовольство ромеями и их политикой снова достигло опасной черты. Выход недовольству должен был быть. Не реагировать на это Дир, да и любой другой на его месте, не мог. А самый лучший способ завалить любое начинание – возглавить его лицу, которое, скажем так, заинтересовано в его безуспешности. Так что Дир знал, что делал. Также Дир щедро оплачивал празднества на Ивана Купалу. Такого размаха гуляний раньше не было. За предыдущую жизнь я не видел ничего подобного, хотя на таких праздниках всегда присутствовал, будучи еще ребенком.

Волхвы тогда направили Диру посланника с тем, чтобы тот довел до него их видение, но Дир, выслушав посланца, сказал, что не видит ничего предосудительного в подобном отмечаении дня. Зато жрецы Перуна могли праздновать победу. Дир переговорил с ними и пообещал всяческую поддержку, сказав, что самые сложные времена уже позади, что у него нет трений с ними и народом. Также Дир пообещал жрецам часть добычи, если будущий поход будет удачным. Заручившись поддержкой пернов (название жрецов Перуна), Дир приступил к реализации плана, который давно зрел в его голове.

Основные события в том году разыгрались сразу же после сбора хлебов. Урожай был собран богатый. Хватало как на зиму, так и на продажу. Погода была чуть ли не идеальной для сева, первых всходов, набора рожью и пшеницей силы, колошения, а также для вызревания и жатвы. В домах хлеборобов царил праздник. Многие уже видели, как рассчитаются с долгами. Дир же зря времени не терял. Улучив момент, он разобрался со своими противниками, обвинив их в намерении захватить власть, представив доказательства киевлянам на вече. Всех

подробностей заговора приводить не буду. Всему виной жадность некоторых лиц до чужого богатства и быстрого обогащения, недооценка ситуации и сговор с тем же Диром.

Часть воинов из варяжской дружины, возглавляемая Иландом и Орвером, решила подзаработать, не поставив об этом в известность Дира. Для этого надо было очень немного: всего-то забрать у жителей часть зерна, а его передать купцам, которые готовы были сразу же рассчитаться звонкой монетой, естественно, по заниженным ценам. При выгоде были все. Тем более многие варяги из дружины считали, что им мало платят. Всегда хочется больше, чем предлагают, особенно, когда жажда богатства умело подогревается. Поэтому сбор дани начался раньше, чем обычно. Собирали дань поверенные Мишарты, который начал княжить весной. Мишарта совершил ошибку, стоившую ему не только места, но и жизни, поставив Дира главой варяжской дружины. Дир заверял Мишарту в своей преданности, на самом же деле готовился занять его место.

Как только сборщики дани начали грабить жителей вокруг Киева, об этом сразу же стало известно. Народ зароптал, а виновником стал Мишарта, поскольку Иланд и Орвер заявляли, что подчиняются ему и собирают дань по его указке. Вече в Киеве собралось в начале осени очень быстро. Город напоминал гудящий улей. Землепашцы и ремесленники взялись за оружие. В воздухе запахло грозой. Мишарта вынужден был уйти. Он пошел, было, разбираться к Диру, а тот попросту пленил его и объявил врагом и зачинщиком. Особых доказательств не потребовалось. Мишарта говорил, что не виноват, а Иланд и Орвер, которых также пленили, указывали на него. Кто прав, а кто виноват большинству киевлян было невозможно разобраться. Дир вроде бы как выступил за дедовские порядки. Поэтому вместо Мишарты на вече Дира временно, до следующей весны, выбрали князем. За это решение проголосовала варяжская дружина и меньшая часть жителей Киева.

Временное княжение для Дира, начавшееся осенью 851 года, оказалось достаточно продолжительным. На киевском престоле он продержался больше десяти лет, как, по сути, единовластный правитель. Дир был отравлен в 872 году по приказу Аскольда, а ушел из жизни в 874 году. С 863 года Дир уже не княжил, хотя и занимал это место. Основные решения тогда уже начал принимать Аскольд, вернувшийся из южных краев, успевший разобраться в ситуации и начавший проводить свою политику, как стольный князь.

Дир и года не продержался бы, если бы сразу же после ледохода, когда Славута вошел в берега, в Киев не прибыл Аскольд с варягами почти что на сотне судов. Это была, потомки, в наши времена немалая сила. Будучи сыном Тувора, Аскольд тогда делал то, что говорили ему ближайшие советники – Илагурс и Жулад. Оба были варягами по образу жизни и ближайшими соратниками Тувора. Илагурсу было тогда сорок пять лет, а Жуладу – сорок восемь. Именно они помогли Диру удержать власть и подавить восстание киевлян, которые не хотели иметь Дира князем.

За это Дир был вынужден признать права на киевский престол Аскольда, как единственного законного наследника, который, вернувшись к определенному времени, начнет княжить. Тувор и его сподвижники были умны и дальновидны. Они прекрасно понимали, что двадцатидвухлетний Аскольд даже вместе с опытными советниками не удержится на киевском престоле. К тому же среди варяжской дружины у Дира были прочные позиции. Лить кровь в таком случае – значило начинать междоусобную войну с заранее прогнозируемыми последствиями. Поэтому Аскольд вместе с мужами-советниками отправился на юг в Царьград. Там он уже именовался киевским князем, хотя, по сути, таковым не являлся. Более того, Аскольд принял покровительство василевса и начал воевать на его стороне. Его дружина действовала на огромной территории почти шесть лет. Где только Аскольд не побывал: в Персии, на Каспии и в Закавказье. В большинстве сражений он одерживал победы, хотя были и досадные неудачи.

Надо отметить, что воинский талант у Аскольда был и развился даже после смерти его ближайших помощников-опекунов. Илагурс и Жулад погибли на южных землях, как и подо-

бают воинам с оружием в руках. Вместо них у Аскольда стал советником некто Тэофил – ромей, занимающий высокое положение в ордене силклитов, которые распространили свое влияние в те времена на обширные территории. Излишне говорить в таком случае о самостоятельности Аскольда, поскольку те, кто попадают под магов, теряют себя. От них остается только тень, которая со временем пропадает, рассыпаясь в свете дня. И в данном случае главное, вовремя почувствовав опасность, быстренько принять меры, чтобы не стать послушным исполнителем чужой воли. Чутье Аскольда и советы варягов-советников помогли ему удержаться наплаву и не потерять себя.

Сын Тувора сделал свой выбор, избавившись от советника, но не от его влияния. На Аскольда поставили очень многие в окружении василевса, тем более, что он был привержен к христианству, конечно же, на варяжский манер и весьма условно. Ведь варяги в первую очередь были воинами. Для них меч на поясе и образ жизни, при котором они странствовали по морям и рекам, захватывая добычу, был гораздо более ценным, чем что-либо иное, в том числе и вера в распятого человека. Христа большая часть из них откровенно презирала хотя бы потому, что он не смог за себя постоять и дал себя распять. А это было недостойным, как для воина, поступком, тем более не могло быть примером для наследования. Тем не менее, в Византии жили по законам империи. Там следовало чтить распятого человека, как бога. Пройти мимо этого Аскольд не мог хотя бы потому, что это давало ряд весомых преимуществ.

Аскольд сразу понял местные порядки и то, что, если ты для виду примешь христианство, то с тобой будут совсем по-другому разговаривать. Ведь как не крути, а варягов сановники при византийском дворе считали варварами. В лицо чуть ли не кланялись и улыбались, а за спиной отпускали шутки и презирали. Даже служба у василевса не была защитой от насмешек и полупрезрительного отношения. Роскошь византийского двора в те времена превышала всякое воображение. Она и развращала, и возвышала, поднимая до небес власти и влияния. Ты был лучшим или одним из лучших при дворе василевса, но все равно в его ногах был грязью и пылью. Это, конечно, не говорилось впрямую, но подразумевалось. Таков был порядок. Сановники при дворе погрязли в интригах и ничто, как видел Аскольд, не могло их от этого отвратить.

Что же касается церкви и веры, то тут Аскольд для себя четко понял одно: она является ступенькой для власти и власти безграничной одного лица над остальными. И еще больше уверили его в этом посещения храмов, но в особенности Софии. Глядя на коленопреклоненных людей, Аскольд сравнивал их с русичами и понимал, что этот народ так легко на колени не поставишь, не заставишь делать то, что ему нужно. Аскольд хотел стать киевским князем и править, как василевс, без ограничений.

Глядя же по приезду в Киев на Диру, Аскольд понимал, насколько непросто ему придется в сложившейся ситуации, когда у тебя совсем отсутствует поддержка народа, и ты опираешься только лишь на варяжскую дружину и незначительную часть местных жителей. Поэтому, как только Аскольд помог Диру подавить начавшееся восстание киевлян и утвердить князя на престоле, он без какого-либо сожаления о том, что покидает Киев, отправился вниз по Славуте, переплыл море и появился в Царьграде.

Флот, а он насчитывал около ста двадцати судов и почти пять тысяч воинов, побудили василевса принять Аскольда и его ближайших соратников, как гостей и друзей. Аскольду была поставлена задача, которую он вначале начал решать, воюя с противниками василевса, но это быстро ему надоело. Ведь ты в таком случае всего лишь выполняешь чье-то поручение, а не ведешь свою игру. Поэтому, посоветовавшись с советниками, Аскольд начинает воевать там, где ему не указывали. В ответ василевс вначале укоряет его, а потом и откровенно угрожает, говоря, что будет поступать с ним, как с врагом, если он продолжит действовать в таком же духе.

В связи с угрозами и предупреждениями Аскольд и его сподвижники выбирают хитрую тактику. Они продолжают якобы для вида слушаться василевса, но своего не упускают. Обе стороны все больше разочаровываются друг в друге. Тем не менее, оба: и Аскольд, и василевс называют в посланиях друг друга друзьями. Ведь Аскольд не отказывается выполнять некоторые поручения василевса и его ближайшего окружения.

Между тем любая война чревата потерями. Не минует чаша эта и воинов под предводительством Аскольда. Свыше тысячи воинов из его дружины сложили голову на чужбине, но хуже всего, что зазорно пока еще для варягов, не в бою и с оружием в руках, а от непривычных для себя болезней в теплых краях. Поэтому ропот идет в войске Аскольда. Многие воины покидают его или остаются на чужбине без средств к существованию. Так что служба у василевса Аскольда все меньше радует, как и отношение к нему и к его воинам, которые, по сути, служат лишь расходным материалом в планах высокопоставленных лиц Византийской империи.

Тем не менее, на словах Аскольд верен василевсу и договоренностям с ним. В глубине его естества зреет желание показать свою силу. Для этого надо возвращаться домой на север или в Киев. Для начала Аскольд возвращается в Тавриду, а оттуда рукой подать до стольного града. Дир ждет его. Ситуация в Киеве сложная. Аскольд возвращается в Киев и остаётся в нем, несмотря на то, что на севере Руси уже несколько лет идет война.

С южных земель, вдоволь повоевав, Аскольд не уходит победителем, но он и не побежден. Василевсу даже советуют убрать непоседливого и непослушного, настырного предводителя варягов, но василевс решает поступить еще умнее и по совету одного из советников использовать Аскольда для достижения своих целей на Руси. Ведь не надо иметь особых способностей, чтобы не догадаться, что Аскольд с войском вернется в Киев, а дела киевские, чем дальше, тем все больше заботят не только василевса, но и всю властную византийскую верхушку.

Русь, в которой постепенно крепнет византийское влияние, богата зерном, хлебом, пахарями, воинами, лесом, но ее жители еще непокорны и свободны. Они не живут по законам и правилам, принятым в Византии. Более того, приручить русичей к кнуту и покорности очень трудно. Аскольд поэтому становится для круга избранных при византийском дворе той картой, на которую ближайшие советники и окружение василевса ставят с некоторого времени все. Ведь, если Аскольд станет князем, а о его договоренностях с Диром ромеям известно, то он может провести любые законы. Это-то больше всего и привлекает ромеев в сложившейся ситуации.

Естественно, что Аскольд не мог не знать о том, какие планы на него у ромеев. Быть пешкой в чужой игре в его планы точно не входило. По сути дела, несмотря на добычу, Аскольд понимал, что его и воинов использовали и продолжают это делать. Обида на такое отношение закрепилась у Аскольда и его ближайших сподвижников из числа варягов. Они ведь не были настолько глупыми, чтобы не понимать очевидного. К тому же Аскольд сразу сообразил, что, если он не станет самостоятельным игроком, то с ним не будут считаться. А как показать всем, что он силен? Правильно, только успешный поход мог доказать всем: и друзьям, и врагам, его значимость и положение. Поэтому еще воюя на юге, Аскольд задумывает поход на Византию под своим руководством, но уже в роли предводителя. Он его и осуществит в 860 году, опираясь на возросшее желание большого числа русичей дать отпор скрытой экспансии, исходившей от Византии.

Ради этого Аскольд даже не будет сражаться за наследство отца. Он после гибели Тувора не заявит своих прав на Ладогу, Изборск, Белоозеро, Городище, Холмгород и другие города на севере, понимая, что Киевский престол гораздо важнее прочих дел. Киев в том виде, в котором Аскольд застал его, нравился ему больше других городов, несмотря на то, что он никогда не имел в нем поддержки населения. Почему? Этот город был ключом к обретению положения, силы и богатства, благодаря удачному расположению и деяниям предков.

Кто бы что ни говорил, а Киев, или Кыюв, считался среди многочисленных племен местом сбора и точкой силы. Кто княжил в Киеве, следовательно, тот не только контролировал богатейшие земли в среднем течении Славуты, но и выступал в глазах соплеменников князем собирателем и объединителем, поскольку испокон века, еще до Кия, в этом месте собирались княжеские и племенные советы, принимались самые главные и основополагающие решения для народов, проживающих в здешних местах.

Киевский князь выступал покровителем торговли. Он контролировал водный путь, как его будут называть из варяг в греки, собирал дань с обширных территорий, являлся попутно защитником от набегов и посягательств самых разных кочевых племен, хазар и ромеев. И место такого полноценного владыки, который может развернуться на месте, установить нужные ему порядки, конечно, Аскольда, человека честолюбивого и привыкшего повелевать, прельщала. Он знал, как добыть средства, как сделать так, чтобы и хазарские ростовщики, и ромеи, живущие в Киеве, и купцы щедро снабжали его средствами. Ведь дружине надо было платить, а что-то взять с хлебопашцев и ремесленников сверх положенной дани попросту не представлялось возможным только лишь потому, что они не были столь богатыми, как хотелось бы Аскольду, к тому же легко брались за оружие, чему Аскольд был лично свидетелем.

Власть Аскольда в Киеве, потомки, держалась только лишь на варяжской дружине, но зато поддерживалась активно ромеями, хазарами, частью купечества и некоторыми выходцами из северных земель. Аскольд с некоторого времени, утвердившись на престоле, был выразителем их чаяний, прижимал киевлян, лишал их прав, окончательно упразднил вече, не ратовал за отцовские и дедовские законы, занявшись преследованием волхвов и построением Руси по Византийскому образу.

Князь Аско не снискал народной любви и уважения, как Олег. Для обычных тружеников он был варягом-авантюристом, который незаконным образом захватил власть в Киеве. И это жгло князя, как клеймо. В нем не видели лицо, которое надо уважать за положение и заслуги, не говоря уже о том, чтобы подчиняться. К тому же у Аскольда не было и близко киевских корней.

Князя с некоторого времени откровенно презирали, а вслед ему плевали, что считалось на Руси самым большим оскорблением. И красок я не сгущаю, скорее, смягчаю тона, чтобы более четко не выразить «народную любовь» к тому, кто начинает переделывать и перекраивать по своему усмотрению дедовские законы. При этом у меня нет какой-то обиды или неприятия к Диру или Аскольду. С некоторого времени они совсем не принадлежали себе, всего лишь четко или не очень реализовывали византийский замысел по установлению иного порядка на Руси. Хорошо еще, что не слишком преуспели в этом, а Олег, когда прибыл с дружиной в Киев и стал княжить, отменил все новшества, введенные этим дуэтом. Об этом чуть позже.

Нельзя же все и сразу рассказать в одной части записок, хотя, признаюсь, такое желание у меня все чаще появляется. Я спешу сказать главное. По моему следу идут. Не враги пугают меня, а то, что я не успею изложить мысли в виде повести, которую прочитают потомки. Мне уже за сто, но ум, разум и сознание не ощущают лет. Я еще бодр и силен. Если бы не ранения, полученные в битвах, мог бы прожить и больше. Но каждый из нас, в конечном счете, имеет все в соответствии со своим выбором и то, что ему определили противники.

Предопределение довлеет над каждым. Я во многом смог улучшить его и не погиб в возрасте тридцати восьми и пятидесяти двух лет, но не смог избежать ситуаций, связанных с ранениями. Слишком многим мешал: и врагам, и до некоторых пор друзьям. Если бы с тем опытом, который я имею сейчас, жить заново, то я многое смог бы изменить. Но нельзя вернуть года вспять, хотя можно по-иному прожить жизнь. При этом ее итог будет лучше, чем тот, который получился по факту. Поэтому в конце жизни я занимаюсь тем, что привожу себя и прожитую жизнь в порядок. У меня есть немного времени. Его вполне хватает для работы, которая намечена и мною ведется.

Все-таки возвращаться сознанием и умом в прошлое не всегда приятно. Груз ошибок и эмоциональных проявлений отягощает тебя, особенно, когда видишь с высоты прожитых лет, что мог в той или иной ситуации поступить более правильно. Результат в таком случае был бы другой. Но как бы я не старался, заботясь о будущем, все равно темное предопределение, сгущающееся над Русью, только лишь отходит еще дальше в будущее и там набирает силы, словно выжидая, пока лучшие сыны будут убиты в войнах и не смогут постоять за Русь.

Я же в период с 849 до того времени, когда в 852 году прибыл в Киев Аскольд с дружиной, тренировался и мужал, крепчал под руководством Белогора, который, если честно, больше был воином в свои пятьдесят восемь лет, чем волхвом. Стал Белогор волхвом поздно, в пятьдесят четыре года. До этого времени Белогора знали, как Одиурса, одного из самых отчаянных предводителей варяжских дружин, которые воевали везде, где только можно было в северных морях и на юге. Ратным делом Одиурс занимался с восемнадцати лет. Пошел варяжить в двадцать один год и только в сорок девять лет, кое-что для себя поняв, вернулся на Ильмень озеро на свою родину. За шесть лет Одиурс подготовился так, что смог пройти все испытания для того, чтобы стать волхвом. На него и пал выбор Светозара. Признаться, я не сразу понял, почему.

Ярвень, Житень, Сиуг восприняли Белогора, как друга и брата. Этот чуть выше среднего роста мужчина был силен и крепок, немногословен, но, главное, он знал свое дело. Назвавшись Белогором, Одиурс обрел не только второе рождение, но и новый смысл в жизни. Излишне говорить, что Одиурс состоял в волховском союзе Сварога. На то время он был одним из самых способных и сильных волхов-воинов. К тому же свой топор и меч Белогор, как это делали в своем подавляющем большинстве волхвы, на стенку не повесил и не зачехлил в ножны.

Учителям Белогора был волхв Яровит – могучий седовласый мужчина в возрасте девяти лет. По его виду нельзя было сказать о количестве прожитых лет. Выглядел Яровит пятидесятилетним мужчиной стройным и крепким, который редко расставался с посохом. Белогору также нельзя было дать больше сорока пяти лет. Он уже тогда занялся омоложением организма и привел его в надлежащее состояние, несмотря на полагающиеся для воинского образа жизни ранения. Их не избегал никто. Шрамов и на моем теле вдосталь. По ним можно смело рассказать историю моей жизни.

Белогор, как только увидел меня, только лишь слегка шурился, опираясь на посох, после чего, отложив его в сторону, обошел меня по кругу и встал на прежнее место. В его слегка прищурившихся глазах при виде меня то и дело проскакивали веселые огоньки. Ярвень и Сиуг, стоявшие рядом, молчали, но также усмехались внутри. Белогор осмотром был доволен. Покосившись на меня, а потом на волхов, он спросил:

– И чем же я могу помочь молодцу? Вы и сами справитесь с его обучением. Дышать, как я вижу, он умеет, в животе сила есть, бегают прытко и не устают, вынослив и терпелив. Что же еще ему показать?

– Работу с силой, – отозвался Сиуг.

– А вы что, не можете? Вы же не хуже меня приемами наработки силы владеете. Вот и показали бы...

– Светозар выбрал тебя, – пояснил Ярвень, – а он знал, что делал.

– Зато я пока не знаю, как мне начинать говорить с молодым. Вжиться мне нужно, на Киев поглядеть, может, пожить там. Война, сказывают, скоро будет.

Говоря эти слова, Белогор искоса поглядывал на меня, а потом произнес:

– Да и тебе, Веля, в Киеве не помешает весну, лето и осень пожить, на Подоле носильщиком поработать. Глядишь, многому научишься...

После этих слов Белогор посмотрел на волхов, изучая их реакцию, но, ни Сиуг, ни Ярвень никак на его предложение не отреагировали. Молчание затягивалось. Наконец, Ярвень произнес:

– Оно-то, может, и так, но у Велеса были проблемы. Его чуть не пленили. Хорошо, что Харлар вовремя опасность заметил и прибыл, когда Велю готовились на ладью занести. Если бы не он, вряд ли ты бы сейчас с ним разговаривал.

Белогор слегка нахмурился, прикусил губу, взглянул на меня, опустил взгляд на землю, и как бы невзначай заметил:

– В поселении в лесу больше не пристало Велесу сидеть. Язык животных и растений он слышит и знает. Лес для него – родной дом. Тут надо с людьми учиться говорить, их слушать и слышать, а также видеть то, что происходит на самом деле. Так я вижу и так мне пришло. Что скажите, радетели?

– Раз ты так говоришь, значит, пришло время так поступать, – несколько промедлив с ответом, произнес Сиуг.

– Только с Добродаром надо это согласовать, – откликнулся Ярвень и слегка прищурился, глядя на меня и Белогора.

Что-то еще беспокоило волхва, и Белогор это сразу же заметил.

– Ты не молчи, не таи, а сразу же говори, – немедленно отреагировал он, глядя на Ярвеня. – Вижу, что слова твои меня касаются.

– Ты, если Велес в Киеве обоснуется, за него на себя ответственность возьмешь?

– Он сам за себя прежде обязан взять ответственность, а то ходит по земле так, как будто опасности для себя не чувствует.

– Я о тебе спрашиваю, – продолжал Ярвень.

– Вам не придется за него беспокоиться, – после длительной паузы, еле слышно произнес Белогор, – но мне нужно время и помощники. Без них я не смогу пообещать вам что-либо. Один помощник у меня есть...

– Это кто, Торус, который с тобой прибыл? – уточнил Сиуг.

– Он самый. Мне еще помощники нужны. Выбрать среди ваших можно будет?

Сиуг и Ярвень переглянулись. В это время к нашей группе подошли Житень и Преслав. Белогор внимательно на них посмотрел и произнес:

– Я могу Слава к делу привлечь?

– Откуда ты его знаешь? – слегка удивился Ярвень.

– Мне еще нужен кто-то лет на пять-шесть старший за Велеса, – не отвечая на вопрос, уведомил о намерениях Белогор.

– Кого выберешь, тот и будет, если согласится, – уверил Житень Белогора.

– Сговорчивые вы, покладистые, – усмехнулся Белогор. – Неужели так Светозару доверяете? Он ведь мог и ошибиться.

– Оно-то так, но Свет редко промашку давал, – негромко произнес Житень. – С Добродаром мы вопрос согласуем. Что тебе еще нужно?

– Время и твоего помощника Добрушу.

Ответ Белогора слегка удивил Житеня.

– А Добруша тебе зачем? Не молод он. Да и откуда ты его знаешь?

– Как же не знать твоего помощника? – вопросом на опрос ответил Белогор. – Старшим группы вместе со мной будет.

– Вижу, ты о нас наслышан, – усмехнулся Житень. – Что для себя и семьи ничего не просишь? Ты же в прошлом привык жить богато и на широкую ногу. Говорят, дружиной руководил.

– То раньше было, в другой жизни, – еле слышно произнес Белогор.

– Скрываешь что? – спросил Житень, всматриваясь в Белогора.

– А что скрывать? Время варягов к концу подходит, хоть сейчас мы и на подъеме. Та жизнь на острие меча ничего, кроме разочарования, в конце жизненного пути не дает. На себе проверил. Зачем играть на руку Одину или христианам?

– Ты отошел от Одина? – поинтересовался Житень.

– От служения ему и тем, кто за ним стоит.

– Чем же тебе христиане не угодили? Говорят, они миролюбивые, – заметил Ярвень.

Белогор покосился на него, усмехнулся и произнес:

– И это ты мне говоришь? Я был и во Франции, и в Дании, и в Германии, в Англию заплывал. Везде видел одно: мир Одина, Тора, Фрэи умирает и все больше христианизируется. Что же касается миролюбия, то это есть маска, за которой прячутся волчьи зубы. Я не овечка, но и не волк. Зато волков и прочую нечисть в черных рясах вижу издалека. Служителей с рожками на голове перевидал на своем веку предостаточно. Стать, как они, молить кого-то о чем-то, когда в руках меч, не стану. Изображать из себя смиренную овцу, прикидываться таковой ради выгод, не желаю. Поэтому стал волхвом.

– Ты выбрал себе трудный путь, – раздался в наступившей тишине голос Добродара, который тихо и незаметно подошел к месту. – Избу и надел ты получишь в волховском поселении. О жене и детях позаботимся. Холодно и голодно не будет. Теремов, как в Киеве, у нас нет. Чем богатые, то и предлагаем.

– Я привык обходиться малым, – отозвался Белогор. – Только мне все равно до зимы время нужно, чтобы осмотреться, поговорить, с кем надо, в Киеве побывать.

– Зимовать в Киеве будешь или у нас? – поинтересовался Добродар.

– С вами веселее, – усмехнулся Белогор. – Жену и детей здесь оставлю. Пусть привыкают. У меня детей трое, еще двое воюют. Все слава отца покоя не дает. Я говорил, что пропащее это дело, но разве молодых остановишь? Им самим нужно убедиться в том, что это так. Но в Киеве я тоже жить буду. Друзья у меня там есть...

Так я начал постепенно привыкать к еще одному другу и учителю одновременно. Белогор существенно отличался от Житеня и Ярвеня. Чем-то он был похож на Сиуга, но в отличие от Сиуга, который давно уже закончил идти тропой воина, Белогор, хоть и стал волхвом, прошлой привычки не бросал. Весной 850 года я вместе с ним, Яромилом и еще двумя учениками волхвов переселился из Сважья в Киев. Занялся я на первый взгляд непривычным для себя делом – ношением грузов.

С утра иногда до позднего вечера я в любую погоду помогал разгружать и перетаскивать самые разные вещи. Прибывающие суда, преимущественно ладьи самых разных видов, десятками иногда заходили в гавань на Подоле, равно как и отбывали от нее вверх или вниз по реке. Грузчики и носильщики требовались всегда. Несколько групп всегда работали круглосуточно, не взирая на погоду. Платили бы, и было бы что носить. Еду и питье, сколько надо и даже чуть больше всегда поставляли купцы, заинтересованные в работе. Так что впроголодь носильщики не жили. Тяжелый физический труд требовал отменного питания и обязательно меда, а иногда и медовухи. Но на работе не напивались. Пьяных я не видывал никогда. Их сразу же изгоняли из артели при повторном нарушении, если таковые появлялись.

Киев, как я уже говорил, был в описываемое мной время одним из самых крупных городов тогдашнего мира. Здесь кипела жизнь, совершались сделки, крутились большие деньги. Во многом самая разноплановая торговля определяла лицо нашего мира, соединяя в одно целое представителей самых разных групп и слоев населения от носильщиков до купцов, воинов и ремесленного люда. На Подоле можно было встретить представителей любого сословия. Разве что волхвы сюда редко забредали, предпочитая более укромные места, поближе к дубовым рощам, которых в окрестностях Киева было превеликое множество.

Меня же и товарищей, хоть мы этого и не показывали, считали волховитами – так назывались ученики волхвов, которые в будущем должны были ими стать. К нам на основании этого было в некотором роде особое отношение. С нами не задирались и старались поддерживать добрые и дружески отношения. Обидеть намеренно волхва или волховита считалось дурной

приметой. Пока еще волхвы были олицетворением лучших качеств всех без исключения племен, обитавших на обширной территории от Ладоги до Тавриды и от Карпат до Хазарии.

Хазары, кстати, не представляли в описываемые мной времена существенной опасности для Киева и стольного князя. В Киеве жила и процветала хазарская община, которая поддерживала Дира, поскольку с ним, как говорили хазары, хотя бы было понятно, чего ожидать. Хазарские купцы приплачивали князю, чтобы он, скажем так, сквозь прищур смотрел на некоторые нарушения. При этом силой оружия хазары тоже несколько раз пытались решить вопрос, но безуспешно. Силенок захватить Киев и поставить его под свой контроль у них не хватало, да и в этом, честно говоря, на то время не было для них такой необходимости.

В самой Хазарии было беспокойно. К тому же хазары во многом действовали по замыслу василевса, являясь таким продолжением Византии в Причерноморье. Их воины больше контролировали наземные пути следования караванов от Дона на запад в Киев, Чернигов, другие города в Европе. Ради торговли хазарские каганы шли на уступки и часто нарушали правила, хотя, кто же не хочет захватить чужое добро, если сосед ослаб и не может за себя постоять?

Следует также различать деятельность отдельных хазарских каганов, предводителей родов и верховного кагана. Чаще всего отдельные хазарские отряды, подобно дружинам варягов, частенько бесчинствовали в степи, разоряли поселения, совершая набеги на радимичей, вятичей, северян и полян, взимая с них дань, но, опять-таки, эти их «завоевания» были возможны лишь потому, что киевский князь не давал им надлежащий отпор. И Бравлин, и Борень такой отпор давали, поэтому хазары не лезли не в свои дела, ограничиваясь мелкими набегами на соседние племена.

Тем не менее, вокруг Киева в мои годы стала активно восстанавливаться система земляных укреплений (Змиевы валы), которая в несколько рядов опоясывала земли вокруг Киева, ограждая их от набегов. Поэтому небольшие отряды кочевников, а в степи всегда хватало любителей поживиться за чужой счет, были не опасны для Киева и прилежащих к нему территорий. К тому же многочисленные местные кочевые племена: торки, берендеи, клобуки и другие по большей части служили защитой, находясь в союзнических отношениях с киевским князем.

Эту систему всерьез расшатали и подорвали Дир и Аскольд. Олегу пришлось все восстанавливать заново, поскольку берендеи и торки, по сути, к концу княжения Аскольда перешли на сторону хазар и участвовали в их набегах на Русь. К этому же времени на Руси появились и печенеги. Антикиевская коалиция вполне окрепла за несколько десятилетий, став угрозой существования самой Руси. Олегу поэтому придется в его немолодые годы всерьез помахать мечом, возглавляя соединенные силы русичей.

Княжение Олега будет наиболее значимым и важным для Руси и для всех ее жителей от Ладоги до Сурожа (Судака). Но к рассказу об Олеге мне необходимо еще подойти. Пока же расскажу о Дире и Аскольде, как есть, а не как будет принято считать в будущем, приписывая некоторым деятелям несуществующие заслуги и определяя их примером для наследования. Вклад обоих в становление и процветание Руси отрицательный, кто бы что не думал или не говорил. Прежняя система связей, отношений и ценностей начала ломаться именно во время бытности этих князей.

Кстати говоря, весной 852 года киевское вече прогнало Дира. Срок его временных полномочий истек. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на Подоле, отрядила своих представителей к Диру и добром попросила его убраться. В ответ Дир заявил, что не уйдет, несмотря на истечение полномочий. Это был вызов. Киевский люд, достаточно покладистый, мог терпеть, но недолго. Налицо было прямое попрание законов. Дир не имел права больше находиться при власти. И в данном случае какой-либо двусмысленности быть не могло. Все было прозрачно и ясно.

После троекратного предупреждения толпа, вооружившись копьями, длинными дубовыми палками, косами и мечами, сразу с двух сторон двинулась на Старокиевскую гору (ее еще называли Киевицей, там ныне стоит Национальный музей истории Украины), где стоял терем Дира. Одна часть толпы поднималась снизу от урочища Гончаров и Кожемяк прямым путем (в районе нынешнего Андреевского спуска), а другая – взбиралась вверх обходным путем (по нынешней улице Смирнова-Ласточкина), чтобы выйти к детинцу с другой стороны.

Варяжская дружина пробовала чинить отпор, но количество сил было неравное. Часть местной дружины была явно на стороне киевского люда. Да и Диру посоветовали не лить кровь там, где в этом не было нужды. Дир с семьей и ближайшими соратниками покинул Старокиевскую гору и прежние места обитания, сдал детинец и отошел в варяжское поселение, располагающееся рядом (на Печерске). Там он и находился до прихода Аскольда с воинами.

Когда прибыл Аскольд с дружиной, Дир с воинами выступил к нему навстречу и отвоевал прежние позиции. Сражения-то и не было, но с киевлянами все-таки пришлось объясняться и снова на вече. Дир многое обещал, но, как это обычно бывает, почти ничего не выполнил. Зато ему удалось назначить верного себе главу варяжской дружины, тысяцкого, сотников, подобрать под себя судовую власть и упразднить вече. Так что стихийный сбор киевлян, который произошел по приезду Аскольда и возвращения Дира был последним.

В дальнейшем вече было восстановлено, но до этого времени прошли годы. Даже при Олеге и Игоре вече, хоть и существовало, уже не выполняло прежнюю роль. Традиции народной демократии еще, как я вижу, будут сохраняться при Игоре и Светославе, а окончательно упразднятся при следующем князе. Впрочем, даже приняв покровительство Византии, Русь не станет государством, в котором князь будет возведен в ранг бога и непогрешимого существа. Для этого понадобятся еще столетия, а также уничтожения в умах и сердцах остатков свободолюбия и здравого смысла. Только так можно объяснить всеобщий психоз и видение в «помазаннике божьем» то, что в нем отродясь не было.

Впрочем, в будущем будет принято на черное говорить белое и наоборот. Видимо, ложь и извращение станут нормой. Другого потомки не захотят знать. Им этого и не дадут сделать. Если опираться на догмы и ограничения, не мыслить и не сопоставлять, то можно всю жизнь прожить в темнице невежества, почитая его за белый свет, чего и добивается Византия. Знание, что ни говори, уже не в почете. Ведь знающий задает слишком много неудобных вопросов. Этим-то он и опасен для тех, кто взошел на престол с целью обогатиться и утвердить свою власть. Правителям нужны покорные существа. Поэтому-то в ближайшие два столетия волхвам-радетелям будет объявлена война на уничтожение. Эта скрытая война лишь время от времени будет выходить на поверхность, будоража умы.

Я же в тех памятных событиях участия не принимал, хотя, не скрою, такие намерения у меня поначалу были. Мои учителя однозначно высказались по этому поводу. Белогор, глядя на меня, с усмешкой произнес: «У тебя и без этого проблем вдосталь. С собой вначале разберись, а потом по сборищам будешь бегать».

Что он имел в виду, я понял лишь спустя годы. Спорить я не стал, продолжил заниматься повседневным трудом, выполняя взятые на себя обязанности. В двадцать три года я был крепким, дюжим и широкоплечим молодцем, в котором играла сила. Я без труда поднимал тяжелые грузы и в одиночку переносил их, куда было нужно. Мне даже отдыха особого не требовалось. Честно говоря, меня уже тогда заприметили гридни, которые занимались подбором воинов в дружину. Мне предложили стать дружинником, но я отказался, видя перед собой иной путь. Белогор одобрил мое решение.

– Правильно поступил, – невзначай произнес он. – Перед тобой иная стезя. Мечом и топором на ней еще успеешь помахать.

– Видишь это в моем будущем?

– И в своем тоже, – недовольно пробурчал Белогор.

Больше тогда он ничего не сказал. Я же не спрашивал.

Прибытие Аскольда в Киев было значительным событием. Шел Аскольд с миром, но его воины держали ладони на рукоятках мечей. Им никто сопротивления не оказывал. Отмечу, что Аскольд строго-настрого запретил воинам грабить и необоснованно применять силу. Поэтому-то особых инцидентов не было. Содержать за свой счет прибывших воинов, вынуждены были Дир и купцы его поддерживающие. Поэтому постой в Киеве Аскольда и дружины был недолгим. Оставив две сотни воинов в поддержку Диру, Аскольд отбыл вниз по Славуте. Дир же за время его нахождения в Киеве максимально упрочил свое положение. Зачинщики из числа недовольных киевлян вынуждены были покинуть город, чтобы не быть посаженными в погреб. Тем не менее, более жесткие меры Дир принимать поостерегся, побаиваясь народного гнева. Даже в его дружине, набранной из местных жителей, многие были недовольны устанавливаемыми Диром порядками. Диру надлежало терпеть и понемногу упрочивать свое положение, чем он и занялся в последующие годы.

Я же расскажу о Гвирде и его помощниках, о своем сводном брате, которого я впервые увидел в двадцать два года сразу же после отплытия Аскольда с дружиной.

Если волхвы и их помощники имели обширные связи на Подоле и в округе Киева, в частности в Сважье, в Голосеево, тогда оно называлось еще Твердынь, в Зверинцах (район от улицы Старонаводницкой до Лыбедской площади), то Гвирда был дружен с варягами, обитавшими на Печерске. Там у него было много друзей и знакомых. Гвирда, что ни говори, совсем обрусел. Со временем его слегка поседевшие волосы и впрямь стали русыми. Правда, как я уже говорил, в свои шестьдесят пять лет это был подтянутый и мускулистый мужчина, который, постоянно упражняясь во владении оружием любого вида, мог без труда разобраться с двумя-тремя противниками.

Гвирда не побоялся сам прийти к волхвам, когда узнал о пленении Никофора. Он долго говорил со Светозаром и Добродаром, после чего, в конце концов, вызволил из плена ромея, пообещав не поднимать руку против волхвов и в частности меня. Скажу, что до определенного времени Гвирда свое слово держал, а это уже было не так и мало. Были еще причины, по которым Никофора передали Гвирде. Правда, хитрый ромей после этого долго не прожил. Его убили свои же «братья» при загадочных обстоятельствах в лаврских пещерах. Говорили, что это дело рук Кирлия или Нафания. Впрочем, они были только лишь исполнителями. Приказ об устранении пришел из Византии.

Гвирда отмежевался от Никофора после того, как его выручил, но деятельности своей не прекратил. Он подготовил своих сыновей и моего сводного брата – тоже Велеса. Между собой его звали Вегулом. Настоял на этом имени Вражень. Вегул означает лучший в силовой работе.

Вегула я увидел впервые на Подоле, когда переносил грузы. У меня вдруг возникло какое-то особое чувство, как будто на меня смотрят глаза, полные темной силы. Я даже слегка закачался и поставил груз на место. Мой напарник Трофим, шедший за мной, замедлил шаг, удивленно посмотрел на меня и спросил:

– На тебя хворь или немочь напала, что в голове потемнело?

– Иди, я догоню тебя.

Напарник слегка повел головой и продолжил путь, а я отошел с дороги, поставил груз в придорожную пыль, после чего повернулся к трем мужчинам, которые издали наблюдали за мной. Ошибиться в том, кто был передо мной, я не мог. В том, что один из наблюдавших Гвирда, я был уверен. Рядом с ним, видимо, стояли сыновья или ученики.

«Только этого не хватало, – подумал я. – И откуда их принесло? Ходят, работать мешают. Дома сидели бы, а не по Киеву ходили».

Между тем Гвирда даже усмехнулся мне. Неспешным шагом он впереди двух помощников направился ко мне. Что делать, я не знал. Оружия при мне не было, кроме ножа, да оно и не помогло бы.

«Ты не суетись, будь спокоен. Сейчас буду», – внезапно уловил я чью-то мысль.

Белогор появился откуда-то из толпы, стоящей сзади. Гвирда сразу же учуял его. Он замедлил шаг и оглянулся. На его лице, когда оно снова обратилось ко мне, появилась усмешка. Гвирда стоял на расстоянии пяти шагов от меня.

– Я поговорить хотел, волховит, – негромко пояснил он, здороваясь.

Его помощники сразу же напряглись, как только Белогор, а за ним и Слав, вынырнувший, откуда не возьмись, подошли ко мне. Я заученно повторил обычное приветствие, пристально наблюдая за тем, как будут развиваться события. Белогор между тем уже был возле меня. Он был без посоха. На поясе висели только лишь нож и топорик, с которым Белогор никогда не расставался.

– С чем прибыл? – раздался голос наставника.

Вопрос Белогора был обращен к Гвирде. Гвирда покосился на Белогора, потом на меня, а затем произнес:

– Слово есть к вам.

– Говори, коли есть, – недобро усмехнувшись, произнес Белогор. – Только так, как ты, подобно татю, на дороге не подстерегают, если намерения добрые...

В это время к нашей группе уже подходил Слав с помощником. Гвирда, завидев их, усмехнулся.

– Вижу, что не дремлете. Время ныне такое, нужно ухо остро держать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.